

© 2017 г.

Н.В. КОРОВИЦЫНА

СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ

В истории польской социальной эволюции рубежа XX – XXI вв., как ни в какой другой, проступают общие для всего восточноевропейского пути развития черты перехода от социализма к капитализму¹. Ресурсы польского обществоведения позволяют понять реальное содержание и направленность современного исторического процесса в бывших социалистических странах. Речь идет о достаточно большом периоде времени, позволяющем дать ответ на вопрос, действительно ли у нынешних восточноевропейцев есть то, чего они хотели при «повороте к Западу».

Граница между образом жизни и хозяйствования западных и восточных европейцев традиционно проходила по Эльбе². По обе стороны от нее столетиями существовали различные производственные и ментальные структуры. Тогда как на Западе с XVI в. создавались основы промышленно-капиталистической цивилизации и развивались города, на Востоке сохранялась феодальная патриархальность сельских, крестьянских обществ. Классический пример – Польша с ее рекордной долей шляхты (25% этнических поляков), доминирующим крестьянством, крайне немногочисленными горожанами коренной национальности. Польский народ состоял из двух социально-культурных миров – «панов» и «хамов». Польскость идентифицировалась не только с селом, но и с католицизмом: реформация здесь не прижилась, и понятия «католик» и «либерал» были взаимоисключающими. Господствующая романтическая идеология слабо сочеталась с трудолюбием и предприимчивостью. Авангардом общественного развития служила не буржуазия, как на Западе, а интеллигенция, перенявшая эту историческую функцию от шляхты.

Существует обширная литература, посвященная неудачным попыткам капиталистической индустриализации и модернизации Польши. По состоянию на 1939 г. она была относительно отсталой и периферийной, по показателям социальной структуры, протокапиталистической страной, в которой буржуазные ценности оставались слабо укорененными в обществе и не принимались им, учитывая этническую структуру преимущественно непольских буржуазии и средних классов, господство помещичьих и интеллигентских образов в высших слоях, а также крестьянский характер большинства общества. Накануне Второй мировой войны в Польше, как и других странах Центральной и Восточной Европы, сохранялись анахронистические общественные структуры, авторитарные формы правления, выливающиеся в антилиберальные дви-

---

Коровицына Наталья Васильевна – доктор исторических наук, специалист в области центрально- и восточноевропейских исследований. (Москва, Россия).

¹ Рассматриваемая тема частично освещена в: *Коровицына Н. В.* Польский опыт смены систем: 35 лет после революции «Солидарности». – Новая и новейшая история, 2015, № 5. В центре ее внимания находится динамика социальных неравенств и их массового восприятия как один из ключевых образцов посткоммунистического развития в обществе эгалитарного типа.

² *Lewandowski E.* Charakter narodowy polaków i innych. Warszawa, 2011.

жения, нередко антизападные идеологии, склонность к националистическому и коммунистическому радикализму. Лишь к середине 60-х годов XX в. в результате «модернизации через советизацию» как альтернативного капиталистическому варианту развития Польша – вместе с остальными социалистическими странами – превратилась из крестьянского в преимущественно промышленное современное государство, параметры развития которого мало отличались от западных стандартов. Однако сознание народа все еще находилось под сильным влиянием традиционной крестьянско-шляхетской культуры.

Положившая начало конца деления Европейского континента на две различные политико-экономические системы польская революция «Солидарности» 1980 г. была глубоко коллективистским и пролетарским, фактически социалистическим движением, и трудно было ожидать, что ее лидеры спустя время признают первенство буржуазных индивидуалистических ценностей. Да и простые польские граждане, выбравшие в 1989 г. капитализм и демократию, в тот момент не осознавали, что им придется отказаться от многих государственных социальных гарантий, казалось, навсегда дарованных. Что же они получили взамен?

Вопреки надеждам начала 90-х годов, связанным с геополитической переориентацией и выбором новой траектории общественного развития, не произошло ожидавшегося скачкообразного перехода к англосаксонской версии капитализма. Изначальные стратегические образцы были крайне неопределенными. «Первородным грехом» демократической оппозиции периода социализма считается то, что она не разработала, даже в самых общих чертах, никакого плана общественной, особенно экономической, трансформации, отсутствовала литература на тему преобразования социализма в капитализм. Хотя вначале в стране шли поиски некоего третьего пути, главным образом в виде «польско-китайского» гибрида, победил тезис о безальтернативности «программы Бальцеровича» и необходимости перехода от «государственного социализма» к «политическому либерализму».

Новая форма либерального капитализма, сформировавшаяся к «востоку от Эльбы» и качественно отличная от существующей на Западе, определяется как зависимая рыночная экономика, подчиненная интересам западных государств. Ключевую роль в ней играют транснациональные корпорации и иностранные инвесторы, контролирующие финансовый сектор, крупнейшие предприятия, торговлю и экспорт. Эта модель отличается слабостью отечественного капитала, маргинализацией трудовых представителей и низкими стандартами трудовых отношений, позволяющими конкурировать за счет низкой стоимости продукции. В посткоммунистической разновидности либерализма капитализм развивался без капитала, класса собственников, рыночных институций, в условиях деиндустриализации³.

Прерогатива принятия решений в странах постсоциалистического капитализма переносилась на наднациональный уровень, а государства региона интегрировались с евроатлантическими структурами по принципу «внутренней периферии» ЕС, контролируемой главными государствами Запада. Стратегию системных сдвигов в странах региона предопределила неолиберальная концепция «капитализма без капитала и капиталистов». Речь идет о создании капиталистического порядка по инициативе «старых» и «новых» политических элит – посредников между интересами западных государств и реальностью, ориентированной на вхождение в НАТО и ЕС, – в условиях отсутствия частных собственников как главного двигателя рыночной экономики. В постсоциалистической Европе трудно было говорить о существовании автономной элиты бизнеса. Поэтому в условиях осуществления неолиберальной имитационной стратегии «модернизации через интеграцию» с Западом в Венгрии, например, иностранные собственники составили две трети их численности. Транснационализация экономики этой страны ушла еще дальше, чем в Польше. В течение десятилетия ино-

---

³ *Jasiecki K.* Kapitalizm po polsku. Między modernizacją i periferiami Unii Europejskiej. Warszawa, 2013, s. 113.

странный капитал в регионе завоевал более прочные позиции, чем в 60-е годы XX в. в Латинской Америке. Формировался конфликт между «импортированной модернизацией» и поиском ее «польского пути».

Основу восточноевропейского варианта капитализма составило «эпохальное лишение собственности» целых народов⁴ или денационализация (приватизация). Она стала инструментом социальной революции, вынесшей одних во главу социальной иерархии и обрекшей других на безнадежное отставание⁵. Трансформация строя угрожала прежде всего интересам «трудящегося класса» или наемным работникам.

Одновременно произошла демобилизация движения трудящихся. Вслед за смелой политической системы утвердилась либерально-конструктивистская парадигма развития: то, что прежде проявлялось в боевом, радикальном настрое «Содидарности», вдруг объявили популизмом и осудили. Образцом системного изменения было провозглашено не вовлечение масс в гражданскую активность, а их деполитизация⁶. Одновременно широко пропагандировались случаи индивидуального обогащения, а неравенство доходов представлялось как импульс экономического роста. Частный сектор провозглашался выгодным рынком труда, где работу найти легче, чем в гос-секторе. Если «Солидарность» опиралась на огромный капитал социального доверия и коллективные акции, то трансформационная фаза развития – на индивидуальную стратегию согласия с рыночными принципами. Совершился переход от «гражданственно-политической» фазы общественной вовлеченности к «потребительно-рыночной», к стратегии «деполитизации» и «экономизации». В начале 90-х годов, после введения свободного рынка, люди начали массово пытаться открывать собственный бизнес, некоторые успешно. В итоге доля собственников возросла в четыре раза, достигнув 9% населения⁷. Около 40% польских предпринимателей происходили из переживавшего процессы социальной дифференциации рабочего класса. Конечно, это были малые предприятия, в значительной степени подчиненные западным фирмам⁸.

Не заставили себя ждать процессы делигитимизации рождающейся рыночной системы со стороны населения страны. Социологи отмечали всплеск конфликтного потенциала между властной элитой и остальным обществом, отказ от массовой поддержки радикальных реформ уже к 1993 г. К этому времени для многих «рыночный миф» был разрушен, произошло изменение восприятия частной экономики. На вопрос, «где хотели бы работать», три четверти поляков отвечало: на государственных предприятиях⁹. Эгалитарно-патерналистская система отвоёвывала назад у рыночной все большее число сторонников. Капитализм оказывался совсем не таким, как люди его представляли, каким знали из книг и фильмов. Уже намного меньше поляков верило в собственные силы и в то, что их личный успех зависит исключительно от них самих, чем в последние годы Народной Польши. Вдвое больше граждан, чем во времена Польской Народной Республики, считало, что государство должно ограничивать величину максимальных заработков. Им было трудно примириться с появившейся бедностью и быстро растущей, прежде неизвестной им безработицей. Особенно в то время ухудшились настроения среди интеллигенции и собственников, связывавших с новым строем наибольшие надежды.

Многие наблюдатели политической жизни в регионе были не готовы к возможности победы посткоммунистов на свободных выборах 1993 г. и левому повороту, свершившемуся так быстро после распада социалистической системы. Но они были в равной степени не готовы и к тому, что оказавшиеся у власти посткоммунистические элиты поддержат радикальные изменения в политической и экономической

⁴ Keller J. *Ted' když máme, co jsme chtěli*. Praha, 2008.

⁵ *Zmiany strukturalne. Gospodarka i społeczeństwo*. Warszawa, 1995, s. 91.

⁶ *Ibid.*, s. 151.

⁷ *Publicystyczny komentarz socjologów. Analizy. Polemiki. Wywiady*. Warszawa, 2006, s. 3

⁸ *W środku Europy? Wyniki Europejskiego sondażu społecznego*. Warszawa, 2006, s. 207.

⁹ *Publicystyczny komentarz socjologów*, s. 351.

системе, включая членство в НАТО и вступление в ЕС. Но это действительно произошло — и не только в Польше.

В этих условиях важнейшим направлением социальной динамики, отчетливо обозначившимся в ключевой период трансформации 1989–1993 гг. и получившим полное развитие в последующие годы, в Польше и других странах региона стало резкое падение занятости населения как проявление процесса дезинтеграции общества. К числу профессионально активных в начале XXI в. в Польше принадлежало лишь 46% населения, этот уровень снижался на 1–2% ежегодно. А еще совсем недавно существовала практически полная, близкая к 90%, занятость. Труд будто бы стремительно «замирал»¹⁰. Сформировался сильнейший синдром «эластичности» занятости. Считается, что нет такой другой страны в Европе, где занятость столь ненадежная и столь широко осуществляется по непродолжительным, а также «серым» (в Польше их называют «мусорными») договорам. Каждый третий работающий поляк не имеет постоянного трудового договора, тогда как в среднем по ЕС этот показатель не превышает 14%¹¹. Польша в этом отношении лидирует в Евросоюзе. Еще часть трудящихся работает фактически без договоров, существуя за счет подработок и получая деньги «в конверте». В этой ситуации две трети трудящихся заявляют об отсутствии чувства безопасности занятости и испытывают страх перед потерей работы, а к ней они относятся как к сугубо временному делу, в котором мало заинтересованы. Кроме того, по доле людей, уехавших на заработки за границу, поляки лидируют, особенно после интеграции страны в ЕС в 2004 г.: первая волна эмигрантов, выполнявших неквалифицированные виды труда, сменилась отъездом высокообразованных специалистов (феномен «экспорта безработицы»). В результате Польша оказалась на одном из первых мест в Европе по дестабилизации занятости¹². Этот процесс имел политическое значение. Ведь трансформация не изменила убеждения более чем 80% поляков, что государство обязано гарантировать им право на труд¹³.

Тем не менее рынок укоренился в польском обществе и массовое участие поляков в институциях рынка больше, чем участие в демократии. Действительно, последние три десятилетия экспансия рынков и рыночных ценностей в восточной части Европейского континента захватывала сферы жизни, в которых им нет места, общество фактически превращалось в придаток рынка. Но рыночная вовлеченность проявляется в Польше главным образом в потребительском значении, не способном инициировать коллективную активность. Это обстоятельство касается прежде всего рабочего класса — главного двигателя падения коммунизма, после установления капитализма в большей части прекратившего свое существование или превратившегося в мелкую буржуазию. Рынок и сфера потребительского выбора стали главным пространством индивидуальной свободы, компенсирующим ограничения ее в других областях. Согласно исследованиям, поляки видят больше возможностей независимого выбора в качестве потребителей, чем как работники и граждане¹⁴. Автономию в этой оставшейся сфере человек стремится сохранить любой ценой. В условиях крайне слабого польского социального капитала и низкого на общеевропейском фоне капитала доверия фундаментальным политическим институциям (политическим партиям, парламенту), исключительного недоверия к политическому классу — создателю политического капитализма (его в целом, без учета партийной принадлежности и происхождения, поляки считают главным общественным врагом)¹⁵ и невысокого уровня легитимации политической системы превращение людей в пассивных потребителей

¹⁰ Ibid., s. 430.

¹¹ Jarosz M., Kozak M. W. *Eksplozja nierówności?* Warszawa, 2015, s. 91.

¹² *W środku Europy?* s. 69.

¹³ *Co dzieje się ze społeczeństwem?* Kraków, 2012, s. 115.

¹⁴ *Jak żyją Polacy?* Warszawa, 2000.

¹⁵ Inna (?) Europa. The Other (?) Europe. Poznań, 2004, s. 45.

продуктов и услуг позволило обеспечить низкий уровень социального конфликта, стабилизировать политическую ситуацию¹⁶.

Сыграла роль и в целом слабая способность поляков использовать любые институции, а также сохранение ключевого значения неформальных связей. Нежелание участвовать в гражданской активности «снизу» усилилось в результате сужения сферы политики до решения проблем международной. Слабое по сравнению с ожидаемым и демонстрируемым социологическими опросами общественное сопротивление трансформации, в том числе экспансии иностранного капитала, вызвано и разрушением в результате приватизации связей, объединявших рабочее сообщество, а также отсутствием одного адресата его требований — государства¹⁷. Подавляющее большинство занятых работает на предприятиях, лишенных организованных форм участия трудящихся. В польской экономике существует широкая сфера неорганизованного капитализма, где не регулируются отношения между трудом и капиталом¹⁸. Польша относится к числу стран ЕС с наименьшим уровнем принадлежности к профсоюзным или подобным организациям и со слабыми правами участия, что парадоксально для страны, где существовало крупнейшее после Второй мировой войны движение трудящихся, организованное в рамках профсоюза «Солидарность»¹⁹. Польша, как и другие посткоммунистические страны, также принадлежит к числу стран с низким уровнем участия в протестной активности (в демонстрациях участвует всего 2–3% населения), особенно слабой в среде рабочих и крестьян. Протестный авангард составляют почувствовавшие «вкус» к демократии управленцы и эксперты, что укрепляет их и так высокие позиции в обществе.

Резкое снижение занятости и гражданского участия привело к двум проявлениям нового для стран региона феномена общественного исключения — экономического и политического. Его синонимами служат понятия «маргинализация», «отчуждение», «деклассирование». Причиной исключения из доступа к ресурсам общества является недостаток трудовых ресурсов и деградация социальная, материальная, моральная, культурная. Масштабы исключения в Польше имеют тенденцию роста²⁰.

С различными видами общественного исключения корреспондирует наиболее драматичное «исключение из жизни». Речь идет о сокращении продолжительности жизни и добровольном отказе от нее — самоубийстве. Обнаружена прочная связь смертности с образованностью. Показатели смертности значительно выше для людей менее образованных, возможности адаптации которых к вестернизированной капиталистической системе были уже. Средняя продолжительность жизни молодого необразованного человека в нынешней Польше на 10 лет ниже по сравнению с его высокообразованным ровесником с соответствующим экономическим и социальным статусом. Материальное и образовательное неравенство превратилось в важный фактор преждевременного исключения из жизни групп с низким статусом²¹. В этой же социальной категории наиболее распространены и самоубийства. Их показатели в Польше относительно невысоки, но по структуре и динамике данного явления можно судить о происходящем в обществе. За самоубийствами стоят чрезмерные, нереализованные ожидания, связанные с трансформацией, главными действующими лицами ее являлись люди, страх перед будущим, отличным от обещанного политиками в начале перемен. Исключением из общей долговременной тенденции роста самоубийств явились 1981 г. и рубеж 1989–1990 гг., когда суицидогенность повышалась только среди работников управленческого звена или номенклатуры.

Во время революции «Солидарности» показатели смерти от самоубийств сократились на треть, особенно среди горняков, металлургов, судостроителей, ранее пре-

¹⁶ Polska — Europa. Wyniki Europejskiego sondażu społecznego 2002–2012. Warszawa, 2014.

¹⁷ Foreign Owners and Polish Employees of Privatized Enterprises. Warsaw, 1997.

¹⁸ W środku Europy? s. 81.

¹⁹ Jasiński K. Op. cit., s. 394.

²⁰ Inna (?) Europa, s. 72.

²¹ Polska europejska czy narodowa? Warszawa, 2014, s. 70.

обладавших в структуре самоубийств. Они возлагали большие надежды на события 1980–1981 гг. и свое противостояние власти. Уже 1982 г. вместе с введением военного положения в стране принес скачок показателей автодеструкции. «Бархатная» революция 1989 г. вызвала аналогичное падение показателей самоубийств, которые позднее, особенно после их относительной стабилизации в 90-е годы, в начале XXI в., систематически росли. В эти годы доминируют самоубийства по экономическим причинам. Рост «исключенных» групп населения резко увеличил вероятность автодеструкции. В 2008 г. экономический кризис стал фактором, значительно повысившим частоту самоубийств в условиях распространения безработицы и бедности в сочетании с замедлением темпа развития экономики и отсутствием надежды на улучшение положения.

Типичный польский самоубийца – мужчина в возрасте 35–45 лет, живущий в селе или малом городе (особенно монопромышленном, где закрытие или приватизация одного предприятия вела к резкому росту патологического поведения), занятый физическим трудом или безработный, недавно овдовевший или разведенный²². По сравнению с другими странами Польша характеризуется сверхпредставленностью самоубийств в возрасте 35–45 лет. Невозможность достижения желаемых социальных позиций для молодежи составляет основу и революционных, как в период революции «Солидарности», и девиантных, в том числе автодеструктивных, настроений в этой возрастной группе. Поэтому в начале XXI в. наблюдалось явление «омоложения» возрастной структуры самоубийств, чаще всего среди мужского населения.

В Польше сейчас одна из высших в мире диспропорций показателей самоубийств мужчин и женщин. Так кончают свою жизнь в шесть раз чаще мужчины, чем женщины. Польские женщины традиционно были «сильней» мужчин. Здесь родилась модель высоко почитаемой «Матери Польши». Пример ее шел от шляхты и прочно укоренился в крестьянской среде. В наши дни у польских женщин выше уровень и быстрее темп роста образованности, один из высших в мире показателей профессиональной активности, часть их принадлежит к более высокооплачиваемой и конкурентноспособной на рынке труда по сравнению с мужчинами категории населения. В период мирового экономического кризиса последние чаще теряли работу. Женщины лучше вписались в новую действительность и стали доминировать в польском обществе. Вместе с тем польские женщины, как правило, не поддерживают радикальные социальные изменения, так как лишение государственного обеспечения не соответствует их интересам как матерей. Женщины поэтому часто выступают против не только рыночной экономики, но и демократии, ориентируются на традиционные, либеральные ценности, поддерживаемые церковью²³. Польшу называют страной «сильных» женщин и «слабых» мужчин, для которых утрата рабочего места становится суицидогенным фактором²⁴.

Общественная трансформация при всех ее экономических эффектах существенно нарушает структуры общества, о чем ярко свидетельствуют тенденции динамики суицидогенности в Польше с середины XX в. Если в период социалистической индустриализации и миграций из села в город 1950–1960-х годов показатели самоубийств были выше в городах, то в 90-е – начале XXI в., особенно после 2010 г., этот вид девиации перемещается главным образом в сельскую местность. Что связано с исключительно быстрым упадком промышленности, прежде всего шахт и связанных с ними предприятий, оставивших без работы многочисленную в Польше категорию так называемых крестьян-рабочих, ежедневно перемещающихся между городом и селом. Кроме того, с 2001 г. начался рост ремиграции горожан в села. При резком уменьшении количества крестьянских хозяйств там росла численность внесельскохозяйственного населения и незанятых. Вновь прибывшие испытывали трудности социальной адаптации

²² Jarosz M. *Samobójstwa: dlaczego teraz?* Warszawa, 2013, s. 95.

²³ Continuity and change in social life. Structural and psychological adjustment in Poland. Warsaw, 2007, s. 103.

²⁴ Jarosz M. *Op. cit.*, s. 175.

и интеграции на новом месте в переломный момент в жизни «последних крестьян Европы». Самоубийства в селах усиливались и за счет работников бывших государственных хозяйств — «проигравших» и не готовых к исполнению новых профессиональных ролей.

Нынешняя выраженная пауперизация сельской среды особенно разительна по сравнению с ее «идиллическими картинками» 1970-х годов или с ситуацией в современных крупных городах, где легче найти какую-нибудь работу. Что касается самого крестьянства, показатели его автодеструкции опережающими темпами росли уже после 1982 г., т.е. с самого начала польской трансформации. Посткоммунистический переход повлиял на крестьянство, бывшее объектом политики относительного протекционизма со стороны социалистического государства, более негативно, чем на многие другие группы населения. Их материальное положение резко ухудшилось в период либерализации цен и нестабильности 1988—1993 гг., когда доходы индивидуальных крестьян упали на половину и произошло наибольшее уменьшение их численности: из тех, кто фермерствовал в начале этого периода, к его концу в результате коренного изменения условий хозяйствования осталось всего 23%. Этот класс, как и рабочий, пережил значительную дифференциацию, деление на имущих, имеющих перспективы развития, и обедневших собственников малых хозяйств, которые не смогли быстро адаптироваться к иностранным сельскохозяйственным системам и не понимали зачем это надо. На происходящие перемены они ответили «стратегией выживания, связанной с глубоким недоверием политике правительства»²⁵. Важнейшим процессом социально-структурных изменений в период с самого начала перемен польские социологи считают формирование барьера между крестьянством и некрестьянским населением с точки зрения возможности межпоколенческой мобильности и шансов получения образования выше среднего, т.е. резко возросла социальная сепарация крестьян²⁶.

И все же наиболее проиграл от смены строя рабочий класс, учитывая фатальное ухудшение его материального (доходы его квалифицированной части в период социализма не отличались от доходов интеллигенции) и социального (бывший господствующий класс) положения, особенно по сравнению с тем, чего они ожидали. Поскольку эта смена была в большой степени заслугой рабочего класса («Солидарность» называют революцией рабочих), можно было ожидать, что социальная цена ее будет для них ниже, чем в других странах региона, и возникнет более благоприятная для рабочих модель капитализма (наподобие скандинавской). Этого, однако, не произошло, и именно колпик рабочий класс пострадал в наибольшей степени в регионе²⁷. Главное изменение в социальной структуре периода перехода от социализма к капитализму — падение численности рабочих, преимущественно их квалифицированной части. Напротив, доля неквалифицированных рабочих, оказавшихся на периферии общественной динамики, оставалась относительно неизменной. Главными факторами социальной деградации рабочих стали особенно высокая в их среде безработица и переход из государственного сектора в периферийные сегменты частного сектора, на малооплачиваемую работу в малых и средних фирмах, а также занятость в «серой зоне».

В последнее время в социологической и политологической литературе о рабочем классе, уменьшившемся количественно и по значению, пишется все реже. На смену пришла дискуссия о так называемом прекариате (по аналогии с пролетариатом) — явлении XXI в. и эпохи неолитерализма. К нему относятся работники упоминавшихся «эластичных» форм занятости «от времени до времени», живущие на подработках, без чувства безопасности, связанного с трудом, и соответствующих социальных выплат и гарантий — отпусков, больничных, пенсий. Прекариат — это первый в истории класс, который включает обладателей профессиональной квалификации, излишне

²⁵ Continuity and change in social life, s. 75, 82.

²⁶ Co dzieje się ze społeczeństwem? s. 223.

²⁷ Wykluczeni. Wymiar społeczny, materialny i etniczny. Warszawa, 2008, s. 74.

высокой для выполнения стоящих перед ним производственных задач, в том числе часть людей культуры. Практический каждый член общества в существующих условиях может пополнить этот класс. Однако особенно велика его представленность в среде молодежи. Понятие «прекариат» фактически приходит на смену понятию «общественного исключения». Им сродни другое вестернизированное понятие, тоже новое для Польши и других стран восточноевропейского региона – низший класс (*underclass*). Это те, кто находятся в состоянии материальной депривации и постоянной изоляции от профессионального труда, или длительно безработные. Все названные группы исключены и из общественной активности. Их появление после 1989 г. было основным социально-политическим сдвигом в обществе восточноевропейского типа.

В результате фактического деклассирования рабочего класса и крестьянства, самоидентифицировавшихся с низшим классом, сложилась модель социальной структуры наподобие «груши» с большинством населения в основании «пирамиды». Она все больше приближалась к аналогичной модели, характерной для развивающихся стран, и отличалась от западной – наподобие «яблока» с сильными средними слоями. Доходы людей, принадлежавших к нижней части структуры стратификации в восточноевропейском обществе, астрономически удалены от доходов крайне узкого верхнего слоя богатых, переходящего на самом наверху в тонкий «стебелек» доходной элиты. Вместе с тем средний класс, формировавшийся в период строительства капитализма как главный бенефициар перемен, в странах региона относительно стагнировал или даже убывал.

Период послевоенной социалистической модернизации, прежде всего 50–60-е годы XX в., имел неоспоримое преимущество – всеобщность просвещения, открывавшая дорогу социально-образовательной мобильности для большей части молодежи. Она получила возможность перейти в более высокие слои общества и профессиональные группы, переехать из села в город. Рост показателей уровня образования, в том числе высшего, во всех группах общества сглаживал социально-классовые различия. Уже в 70-е годы структура общества начала терять черты открытости, что выражалось в наследовании статуса родителей следующим поколением. Процесс воспроизводства растущих социальных дистанций, поляризации общества резко усилился с переходом к антиэгалитарной, рыночной системе.

В 90-е – начале XXI в. произошла так называемая «неконтролируемая эксплозия» образования на уровне выше среднего. Случился более чем трехкратный рост количества высших учебных заведений и более чем четырехкратный рост количества студентов. Однако он касался главным образом ранее несуществовавших в стране частных вузов и платного обучения. Параллельным образовательному взрыву процессом было формирование «раскола» между государственными и негосударственными учебными заведениями как основы несправедливого распределения жизненных шансов. Дело в том, что наиболее элитарным и труднодоступным стало обучение в бесплатных высших школах. Напротив, в самые эгалитарные превратились дававшие в целом некачественное образование платные частные школы. Несмотря на рост количества лиц, продолжающих обучение, дети, как правило, по-прежнему «повторяли» образование родителей и прародителей, и шансы выйти за пределы своего класса у низших слоев оставались иллюзорными. Если они и были, то только как «движение вниз», в группу безработных и маргинализованных. В последние годы возможности обучения молодежи из неинтеллигентских семей уменьшались в ускоренном темпе. А механизмы наследования образовательных неравенств стали неотъемлемой составной частью структуры общества²⁸.

Произошедший с переходом к рынку образовательный бум на уровне столь востребованного и ценимого обществом, рождающего у него большие надежды высшего образования, явился эффектом прежде всего спонтанной «мобилизации снизу» при

²⁸ *Domański H.* Społeczeństwa europejskie. Stratyfikacja i systemy wartości. Warszawa, 2009, s. 60.

минимальной поддержке государства — его расходы на образование и науку одни из низших в Европе. Не потребность в многочисленных специалистах находилась в основе случившегося образовательного бума, а в чистом виде «статусное соперничество» социальных групп. Противоречащий либерализационным эффектам образования в западных демократиях, этот бум привел к «инфляции дипломов» и обернулся понижением и уровня образования, и его материальной оценки, в публицистике получившим название «образовательного обмана». Он охватил более десяти возрастных когорт населения²⁹. Это недоучившиеся и малоуспешные люди, подавляющее большинство которых не испытывает интереса в политике. Уже только треть польской молодежи считает демократию желательной системой. Отчуждение власти от общества, и особенно его молодого поколения, представляет для Польши реальную опасность³⁰. Все эмпирические исследования свидетельствуют о нарастании социальной нетерпимости прежде всего рабочего класса в его нынешнем виде. Считается, что Польша бенефициаров трансформации не найдет общего языка с Польшей «проигравших» и «исключенных». Последние обвиняют в своих жизненных бедствиях первых и, конечно, всю систему, которая привела их к социальному поражению.

Польская версия политического капитализма включает новый вид деления на «мы» и «они». Теперь речь идет о противостоянии или «разрыве», даже «пропасти» между классом богатых и стоящих у власти, с одной стороны, и большинством общества, включающим наиболее многочисленные в прежней системе рабочий класс и крестьянство, ныне образующим низший класс, — с другой. Несмотря на процессы угасания классовой структуры, которым способствовали эффекты «обуржуазивания» рабочего класса и «пролетаризации» среднего класса, классовые барьеры удерживались, классовые различия сохранялись, классовые интересы формировали политические взгляды и поведение. Тезис о «смерти классов» не выдерживает эмпирической проверки в случае Польши³¹. Напротив, классовое деление, в польском случае прежде всего на интеллигенцию, собственников фирм и низший класс, относительно консолидировалось к началу XXI в.

Несмотря на развитие рыночных отношений, образовательный капитал и квалификация оставались в польском обществе важнейшим фактором профессионального рекрутирования и дифференциации доходов, опережавшим по значению владение средствами производства³². Наибольшим польским бенефициаром перемен стали эксперты в области управления капиталом³³. Лидеры иерархии доходов — руководители предприятий и нетехническая интеллигенция³⁴. Если в прошлой системе доминировал тип фрустрированного интеллигента, который не мог реализовать стремление

---

²⁹ Согласно результатам одного из последних исследований динамики факторов успеха, в польском общественном мнении по сравнению с 1988 г., а особенно в последние годы, возросло значение «упорного труда», т.е. важность активного подхода в социальном достижении. Вместе с тем после 2008 г. ослабла роль «хорошего образования» на пути к успеху. Это изменение может быть результатом разочарования в нереализованных ожиданиях относительно высшего образования, особенно в период экономического кризиса. Одновременно увеличилась вера в движущую силу «везения» как эффект роста непредсказуемости жизненных судеб, отчетливого на рубеже веков. В последние годы увеличилась и роль «семьи и друзей», а также, что удивительно, на протяжении всего периода перехода к капитализму повышалось значение «знания нужных людей» для достижения жизненного успеха, хотя в общественных дебатах в стране влияние этого фактора связывается только с дотрансформационным периодом. — *Baczkó-Dombi A., Wyszniński I. Determinants of success in public opinion in Poland: factors, directions and dynamics of change.* — *Polish sociological review*, 2015, № 3.

³⁰ *Jarosz M., Kozak M. W.* Op. cit., s. 74.

³¹ *Social patterns of being political. The initial phase of the post-communist transition in Poland.* Warsaw, 2000, s. 209.

³² *Domański H.* Czy są w Polsce klasy społeczne? Warszawa, 2015, s. 134.

³³ *Jarosz M., Kozak M. W.* Op. cit., s. 65.

³⁴ *Polska. Ale jaka?* Warszawa, 2005, s. 189.

к более высокому материальному статусу как средний класс в рыночном обществе, теперь для части представителей этого класса ситуация изменилась. Одновременно возросли барьеры брачных и дружеских связей интеллигенции³⁵, превратившейся в культурную буржуазию или рыночный класс знания (knowledge class), обладателей культурного капитала или разновидность современной польской элиты наподобие традиционной шляхты, по-своему участвующей в создании «капитализма без капиталистов и без частного капитала». Руководители высшего уровня и специалисты в большинстве своем стали носителями наиболее пролиберальных и нравственно толерантных взглядов (на политику государственного интервенционализма, неравенство доходов, величину социальных пособий, семейную проблематику и др.) по сравнению с категориями, занимающими более низкие социальные позиции – собственниками и рутинными работниками умственного труда, не говоря о наиболее традиционалистически мыслящих польских рабочих и особенно крестьянах.

Формирование классовых различий в польском обществе проявлялось и в изменении взглядов на социалистическое прошлое, которое подробно и регулярно исследуется социологами страны. В целом в период после 1989 г. доля людей, придерживающихся положительного мнения о прошлом, в Польше не уменьшалась, напротив, подобные взгляды распространялись. С течением времени, наблюдая за системной трансформацией, каждый пятый поляк перешел от негативной к позитивной оценке социализма. Доля людей, нейтрально относившихся к социализму, но затем ставших его сторонниками, возросла. Согласие с новым, демократическим режимом растет пропорционально социальному статусу, как и в других странах региона. Напротив, зависимость между статусом и оценкой прошлого становилась негативной, и все чаще.

В период социализма в Польше наибольшая часть позитивных оценок существовавшего режима шла от образованных слоев населения, особенно руководящего звена, а также специалистов. Еще при позднем социализме и в начале общественных преобразований они возглавляли иерархию поддерживающих социалистический строй, но, осознав возможности, предоставляемые новой системой, забыли о выгодах прошлой и дистанцировались от нее: их симпатии к социализму регулярно и систематически убывали. Те же, кто был наиболее критичен к прежнему строю, но оказался в еще более плохой ситуации с его падением, теперь оценили былые преимущества. Отношение к прошлому предопределяли, таким образом, механизмы индивидуальных и групповых интересов, точнее – формирование реалистичного образа нового строя³⁶. Демократия перестала быть самоцелью, а начала оцениваться сквозь призму социального положения, а также потерь и приобретений, которые несет в себе жизнь в качественно иных общественных условиях. Люди с низким уровнем образования, рабочие, превратившиеся из героев борьбы с прежней властью в главную жертву ее смены, и крестьяне стали первыми в позитивных оценках социализма, тогда как еще в 1989 г. были последними в его восхвалении³⁷. Представления «выигравших» и «проигравшего» большинства все более различались и становились непримиримыми. Другое дело – партийно-политические возможности реализации классовых интересов в обществе восточноевропейского типа.

Постепенная поляризация польского общества, вызванная его экономической и политической трансформацией, поделила страну на две (или даже три) Польши. Одна Польша – это электорат партии Гражданская платформа (ГП), все слабее идентифицирующийся с ее политикой. Ее избиратели включают выходцев из средних слоев, образованных, бенефициаров перемен. К их числу относят приехавших из малых населенных пунктов в крупные города работников корпораций, воспитанных ведущими СМИ «врагов польскости» со слабым духовным потенциалом, мечтающих о «до-

³⁵ Continuity and change in social life, s. 134.

³⁶ Polska. Ale jaka? s. 182.

³⁷ Continuity and change in social life, s. 325.

мике с садиком» потребителей³⁸. В последние годы электорат этой партии несет значительные потери молодого поколения, разочарованного перспективой потери труда и своим социальным статусом, худшим по сравнению с родителями. Другая Польша – доминирующий электорат пришедшей к власти партии Право и справедливость (ПиС), растущий и в большей мере состоящий из людей бедных, малообразованных, религиозных, часто «проигравших» в результате перемен. Это те, кто верят, что возможно завоевали свободу, но потеряли братство и справедливость. ПиС в последнее время поддерживает также часть молодых людей, благополучных и высокообразованных, но недовольных итогами трансформации. Это унаследовавшие, как говорят, «ген патриотизма» обладатели национально-ориентированных убеждений и оживших в начале нового века традиционных нравственных ценностей. Существует, правда, еще и третья Польша, охватывающая около 40% общества, – люди, сосредоточенные на собственных проблемах и проблемах своей семьи. Они не интересуются политикой и не участвуют в выборах. Синдром исключения в различных его проявлениях особенно характерен для этой группы польского общества³⁹.

Политическая сцена страны фактически поделена между двумя доминирующими партиями – консервативно-неолиберальной ГП и право-националистической, хотя и левой в вопросах экономики ПиС. Осью деления на два политических лагеря – проевропейских модернизаторов и евроскептиков традиционалистов – является отношение к импортированной с Запада модели современности. Современная польская политика не соответствует традиционной парадигме деления на левые и правые партии. С начала 90-х годов польские левые элиты являются твердыми сторонниками неолиберальных реформ, а рабочий класс воспринимает как угрозу им. Поэтому либеральные левые посткоммунисты придерживались стратегии, направленной на убеждение рабочих в неизбежности и краткосрочности рыночных реформ. Вместо того, чтобы мобилизовать рабочих в соответствии с их классовыми интересами, экономическое недовольство людей канализировали в русло религиозного фундаментализма и национализма⁴⁰. В результате левые утеряти, а правые консерваторы завоевали электоральную поддержку польского рабочего класса, что особенно ярко проявилось на выборах 2005 г., когда Право и справедливость сокрушительно победила Союз демократических левых сил на платформе, оппозиционной рыночным реформам. Но главную роль сыграла успешная мобилизация правыми моралистической политики – обещаний защищать католические ценности и возвратиться к традиционной семье. После протестного голосования пострадавших от реформ в 1993 г., когда поворот влево воспринимался как возврат к классовому голосованию, следующие драматические парламентские выборы 2005 г. стали поворотом к моральным ценностям, во многом действительно утраченным за время реформ.

У собственников и рабочих наиболее слабо выражены партийные предпочтения⁴¹. Партийный выбор низовых слоев польского общества формируется на фоне укрепления поддержки традиционной модели семьи прежде всего в их среде, в противовес части электората, открытого западному стилю жизни. Появление на политической сцене партии Право и справедливость было фактором, способствующим скорее стиранию классовых различий, чем их консолидации⁴². Деление польской политической сцены на ПиС и ГП – это главным образом проявление ее моральной поляризации. Вместе с тем все смелее и чаще о текущих проблемах и трудностях развития страны, связанных с общественным неравенством, в Польше говорят не левые, а правые, прежде не интересовавшиеся темой социальной справедливости и ее нарушениями. Каков же итог современного этапа восточноевропейского пути развития для Польши и стран региона?

³⁸ Polska europejska czy narodowa? s. 86.

³⁹ Jarosz M., Kozak M. W. Op. cit., s. 81, 87.

⁴⁰ Ost D. The defeat of Solidarity: anger and politics in postcommunist Europe. New York, 2005.

⁴¹ Domański H. Czy są w Polsce klasy społeczne? s. 155.

⁴² Ibid., s. 168.

Несмотря на интенсивную имитацию западных идеалов и практик, в Польше и других странах «к востоку от Эльбы» сохраняется их культурно-цивилизационное отличие. По сравнению с Западной Европой здесь больше роль государства в экономике, роль семьи, других неформальных институций и удельный вес крестьянства, слабей частный сектор и гражданское общество. Барьером вестернизации по-восточноевропейски является ментальное и культурное отличие польского общества от развитых капиталистических государств, которое укоренено в нерыночной экономической культуре общества. Она характеризуется «семейственностью» (персонализацией общественных отношений и идентификацией с людьми, а не институциями), предпочтением малых организаций крупным, не вызывающим доверия, моральной «солидарностью» и анархичным коллективизмом, демонстративным потреблением и неоднозначным отношением к богатству, характерным для экономики позднего феодализма, исторической разновидностью которого называют госсocialизм⁴³. Большинство поляков сохраняет негативное отношение к либерализму — идеологической основе рыночных отношений⁴⁴. А патриотическая интеллигенция заявляет о себе как гегемоне современного польского общества и обосновывает традиционный исторический приоритет культурного капитала в стране⁴⁵.

Стремление руководства страны вестернизировать ее привело к драматическому росту социального неравенства. Одновременно в обществе утверждалось убеждение, что не может быть демократизации без равенства в социальной структуре, и распространялось представление о Польше как стране неравных шансов⁴⁶. Молодежь, как и накануне крушения коммунизма, не может занять соответствующие уровню образования социальные позиции, «закрывается» система социального продвижения. Похожий по сути процесс происходит и в сфере политики, в которой доминирует противостояние двух партий. Результат — интенсификация массового использования стратегии «выхода» или в форме эмиграции, или в форме (само)исключения из общественной системы, неучастия в экономической и политической жизни страны и в конечном счете недоверие власти. Все это — проявления «нисходящей» тенденции в общественном развитии страны⁴⁷, переход которой к национальным ценностям и «польскому пути модернизации» фактически состоялся. Стало очевидным и исчерпание модели «трансформационного обещания»: либерализм, демократия, возвращение в Европу теперь не воспринимаются народом как вопрос времени, а ставятся под сомнение. Завершение в Польше эпохи рыночного триумфализма датируется социологами экономическим кризисом 2008 г., окончательно подорвавшим веру в преимущества свободного рынка и дерегулирования⁴⁸.

После революции «Солидарности» прошел период, близкий по продолжительности периоду создания индустриального общества реального социализма в Восточной Европе. Это время во многом «возвратного» общественно-исторического развития в недавнем прошлом сельской, аграрной периферии Запада, довольно поздно вошедшей в круг государств современного типа. Теперь здесь сформировалась восточно-европейская разновидность Третьего мира. Она проявилась прежде всего в кульминации социального исключения, в образцах цивилизационного провинциализма стран, расположенных «далеко от Запада». Капиталистический период восточноевропейского пути развития, как и социализм, предопределил судьбы двух поколений жителей региона. У большинства их структурные сдвиги безальтернативной либеральной направленности вызвали глубокое разочарование — тем большее, чем сильнее изначально была вера людей в «новую действительность».

⁴³ *Jasiecki K.* Op. cit., s. 266.

⁴⁴ *Publicystyczny komentarz socjologów*, s. 301.

⁴⁵ *Zarycki T., Warezok T.* Hegemonia inteligencji: kapitał kulturowy we współczesnym polskim polu władzy — perspektywa “długiego trwania”. — *Kultura i społeczeństwo*, 2014, № 4, s. 37.

⁴⁶ *Jasiecki K.* Op. cit., s. 179.

⁴⁷ *Hopes and anxieties in Europe*. Frankfurt a.M., 2015, s. 22.

⁴⁸ *Jarosz M., Kozak M. W.* Op. cit., s. 30.